

18+

Владислав Анатольевич
Григорьев

Ливия

Воспоминания

Владислав Григорьев
Ливия. Воспоминания

«Издательские решения»

Григорьев В. А.

Ливия. Воспоминания / В. А. Григорьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-687606-4

В течение двух лет с 1981 по 1983 годы я работал в Центре Атомных Исследований в г. Таджура, Ливия, заместителем генерального директора центра по подготовке национальных кадров.

ISBN 978-5-00-687606-4

© Григорьев В. А.
© Издательские решения

Содержание

В. А. Григорьев	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ливия Воспоминания

Владислав Анатольевич Григорьев

© Владислав Анатольевич Григорьев, 2025

ISBN 978-5-0068-7606-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В. А. Григорьев

Два года в Ливии

В глубокой старости, когда дел уже практически никаких нет, нет и новых впечатлений, поневоле вспоминаешь прожитые годы. Они постепенно всплывают в твоей памяти, причем иногда довольно четко, с яркими образами, которые вроде бы и стоят перед твоими глазами, а не опишешь – все начинает расплываться и подергиваться какой-то дымкой. Вот так и моя работа в Ливии. Она встает передо мной как отдельная картина, мало связанная как с предыдущей, так и последующей жизнью – какой-то совершенно отдельный кусок. Уж прошло с тех пор сорок лет, а многие подробности помнятся очень отчетливо, хотя другие совсем стерлись из памяти. Но по порядку.

В 1980 году я работал доцентом кафедры Экспериментальные Методы Ядерной Физики МИФИ и одновременно на общественных началах возглавлял отдел зарубежных связей МИФИ (он же иностранный отдел). Все складывалось у меня неплохо, своим положением я был вполне доволен, и ни о каких переменах в моей жизни не помышлял. Однако осенью 1980 г. в МИФИ пришло письмо, внесшее большое возмущение в мою спокойную жизнь.

Письмо было из Всесоюзного общества «Изотоп». В нем сообщалось, что СССР строит в Ливии исследовательский ядерный центр «Таджура», в связи с чем «Изотоп» просит МИФИ подобрать значительное количество преподавателей по различным дисциплинам и переводчиков на английский язык для командирования в Ливию на срок в среднем на три месяца для подготовки в этом центре ливийских специалистов.

Тут я могу ошибаться в деталях, но это не так уж важно. «Изотоп» был открытым подразделением Госкомитета по Атомной Энергии (ГКАЭ), занимавшемся продажей радиоактивных и стабильных изотопов. В свою очередь Госкомитет по Атомной Энергии существовал на правах отдельного управления Министерства Среднего Машиностроения для осуществления зарубежных связей министерства с МАГАТЭ, ЦЕРН и другими международными организациями. Само Министерство Среднего Машиностроения (минсредмаш) было чуть ли не крупнейшим среди советских министерств. Это министерство занималось:

- разведкой, добычей, переработкой и обогащением урановых руд и других необходимых в атомной промышленности металлов, а также золота в Средней Азии;
- разработкой, изготовлением и испытанием атомного оружия и его производством;
- проектированием, строительством и эксплуатацией промышленных и научно-исследовательских атомных реакторов и реакторов для атомных подводных лодок; разработкой и изготовлением топливных элементов к ним (ТВЭЛ);
- переработкой и захоронением выгоревших ТВЭЛов АС;
- производством оружейного плутония;
- проектированием и строительством ускорителей заряженных частиц и научно-исследовательскими работами на них,

и многим другим, короче всем, что имело отношение к ядерной физике. Минсредмашу принадлежали многочисленные проектно-конструкторские НИИ и не менее многочисленные мощные строительные тресты. Минсредмашу принадлежали закрытые города: Арзамас, Челябинск – 40 и много других. Говорили даже, что у министерства есть своя армия. Это не так фантастично, как кажется – ведь охрана множества секретных и сверхсекретных объектов не могла совсем не подчиняться министерству. В общем, государство в государстве, во главе которого стоял министр Ефим Славский.

Однако, тут была своя тонкость. Министерство не осуществляло внешнеэкономическую деятельность. Этим в рамках Министерства Внешнеэкономических связей (МВЭ) занималось

объединение Атомэнергoэкспорт. Это объединение составляло и подписывало контракты, осуществляло финансовые расчеты. А строил и оборудовал объекты, естественно, Минсредмаш. Все это я узнал постепенно, однако причем здесь Изотоп, так и не понял. Ну да и Бог с ним!

Короче говоря, я подобрал в МИФИ преподавателей и переводчиков – преподавателей английского языка, к концу года оформил на всех документы, и стали мы ждать вызова. Я и на себя оформил документы на три месяца, поскольку предмет, который я читал, был весьма там востребован, и я мог читать лекции на английском языке без переводчика, чуть ли не единственный в МИФИ. Прошли январь, февраль, март, апрель, но никаких вызовов не было. Я время от времени звонил в Изотоп, мне говорили «скоро, вот-вот», и все. Наконец, в начале мая зам. Председателя Изотопа Живогляд сказал мне: «Владислав Анатольевич, приезжайте к нам. Надо поговорить». И я поехал на Фрунзенскую набережную, где тогда размещалась их контора.

Встретил он меня словами: «мы перестали понимать, что же там происходит». В то время вся переписка с Таджикистаном шла через посольский телетайп. Ленты с вопросами и ленты с ответами аккуратно вклеивались в специальный журнал, поэтому нетрудно было ознакомиться со всей перепиской, правда, в телеграфном стиле. Я посмотрел этот журнал, и тоже ничего толком не понял. Живогляд пояснил, что помимо большого контракта на строительство ядерного центра был отдельно подписан с Ливией контракт на подготовку (стажировку) ливийских специалистов с тем, чтобы они смогли взять центр в свои руки. Контракт он мне показал. Там подробно было расписано, каких специалистов, для каких подразделений, по каким программам (вчерне), в каком количестве по каждой группе, в каком объеме (в часах) по каждой группе и иные подробности, мы обязаны были готовить. Обучение каждой группы по мере их выпуска оплачивалось ливийцами отдельно по выставленному счету. На момент нашей с Живоглядом беседы ситуация выглядела следующим образом: две группы (совсем не помню, по каким специальностям) обучение закончили, и три продолжали обучение. Катастрофически не хватало переводчиков – на три группы была всего одна переводчица. Группы, закончившие обучение, ливийцами не оплачивались: ливийцы говорили, что поскольку число стажеров в группах было меньше обусловленного контрактом, то и платить они должны были меньше. Мы, в свою очередь, настаивали на том, что наши расходы не зависят от количества стажеров, и оплата должна производиться согласно контракту в полном объеме. Ни одна сторона не хотела уступать. Были и другие проблемы, которых я сейчас уже не помню.

В заключение Живогляд сказал: «Мы просим Вас поехать в Ливию, и не на три месяца, а на три года, и взять всю работу по выполнению контракта в свои руки. Вы поедете на должность заместителя генерального директора по подготовке национальных кадров с окладом...». Я точно уже не помню, какой был оклад, но примерно раз в десять больше того, что я (со всеми подработками) получал в Москве. Чтобы к этому больше не возвращаться, скажу, что за два года работы без особой экономии денег можно было накопить на новую Волгу, которая стоила тогда уже больше ста тысяч рублей (зарплата в Москве без учета подработок у меня тогда была 3200 рублей, по тем временам не такая уж плохая, хотя денег из такой зарплаты отложить было практически невозможно). Да, было над чем подумать. Конечно, если бы я знал, с какими трудностями я столкнусь в Ливии на первых порах, как болезненно будет переживать разлуку с родителями мой сын Женя, как недовольно воспримет мой отъезд ректор МИФИ В.М. Колобашкин, я бы отказался не раздумывая. Но о предстоящих трудностях в Ливии я не знал, разлука с сыном мне казалась не такой уж такой болезненной (я сам прожил в юности четыре года без родителей, с бабушками), а с ректором в конце концов все более или менее утряслось. В общем, посоветовавшись с женой и родителями, я решил дать согласие на два года. Сына мы с собой не брали – в Ливии не было школы.

Что повлияло на мое решение? Деньги (для жены они были основным аргументом, так как позволяли немного вырваться из нищеты), конечно, значили, но уж не так сильно. Квартира

у меня была, машина у меня была («копейка»). Была у родителей и «дача» – небольшой старенький домик в деревне, но нам места хватало. Однако желание сменить обстановку, взяться за новую работу, неожиданно оказалось очень сильным. В конце концов у меня был и кое-какой опыт организационной работы – на кафедре я был руководителем учебного цикла, в моем подчинении было несколько преподавателей и две учебных лаборатории, я отвечал за работу со студентами на кафедре. Высокая должность в Ливии давала возможность попробовать свои силы на новом, но в принципе знакомом поприще. Посмотреть Африку тоже было очень-очень любопытно. Короче, я согласился, и с тем пошел в В. М. Колобашкину. Не отпустить он меня не мог – на него давил из Минсредмаша сам Семендяев – всемогущий начальник управления кадров министерства, командовавший академиками. Но я мог отказаться сам. Все же я решил рискнуть, несмотря на стоявший передо мной пугающий пример: проректор МИФИ по научной работе, мой прямой начальник по иностранному отделу В.В.Фролов, был командирован в МАГАТЭ, но обратно в МИФИ его не взяли, несмотря на все правила и предписания.

– Ну зачем ты едешь? Ведь ты в МИФИ не вернешься и бросишь почти законченную докторскую диссертацию – уговаривал меня Колобашкин.

– Я в МИФИ обязательно вернусь, и диссертацию закончу. Сейчас все равно возникает долгий этап технических испытаний, который для диссертации ничего не дает. А карьера чиновника меня не соблазняет.

Но Колобашкин мне все-таки мелко отомстил. Перед отъездом я договорился со своим прямым начальником проректором В.В.Хромовым, что через два года я вернусь снова на должность руководителя отдела зарубежных связей, а эти два года отделом будет руководить мой зам В. Першенков. Однако, когда я пришел к Хромову попрощаться перед отъездом, он смущенно представил мне нового руководителя отдела М. Успенского, назначенного Колобашкиным. Я не стал бы об этом и упоминать, но Миша Успенский по непонятной причине попортил мне затем немало крови.

В начале июня 1981 года мы с женой Светой вылетели в Ливию. Изотоп меня торопил, предлагал вылететь скорее, а жену, дескать, пришлем потом. Но я уперся – цену подобным обещаниям я знал, и они быстро оформили паспорт и на жену. Перед отбытием нас изрядно застрахали: недружелюбная полицейская атмосфера, сухой закон и т. д. Мясные консервы и любую колбасу с собой не брать из-за возможного присутствия в них свинины. Энтузиазма у нас сильно поубавилось. Перед самым отъездом мне еще сказали, что должность замдиректора по подготовке национальных кадров занята парторгом. Это номенклатура ЦК КПСС, и трогать его не стоит. Но для меня ввели аналогичную должность заместителя главного инженера с тем же окладом. Ну и ладно.

Самолет в Триполи летел с посадкой в Вене для дозаправки. В Вене нас выпустили погулять в здание аэропорта и угостили пивом. С нами в Триполи летели очень квалифицированный переводчик Ю. Быстров и техник из ИТЭФ Виктор Белаш, который, как оказалось, хорошо знал моего брата Женю, тоже работавшего в ИТЭФ. Белаш стал нас со Светой опекать в Ливии, за что я ему очень благодарен.

Триполи встретил нас тридцати двух градусной жарой. Для Ливийского лета это нормальная температура. Она, кстати, переносится довольно легко, и к ней быстро привыкаешь, поскольку влажность при этом очень низкая. Хотя Триполи, да и все остальные ливийские города, расположен на средиземноморском побережье, климат определяет не Средиземное море, а пустыня, занимающая 90% площади страны. Но, конечно, близость моря климат побережья смягчает.

В аэропорт за нами прислали машину с водителем, и он тут же повез нас в Таджуру – это километрах в сорока от Триполи. Меня сразу поразили две вещи. Во-первых, какая-то угрюмость и недружелюбность улиц. И, во-вторых, большое количество разбитых ржавых машин по обочинам шоссе. Мы быстро уяснили, что ливийское общество очень закрытое. За все два

года пребывания в Ливии у меня не возникло ни с кем из ливийцев никаких личных внеслужебных отношений. Да и спецслужбы обеих сторон за этим пристально следили. Что касается разбитых машин, то ливийцы как правило вообще никаких прав не имели. Если машина попадала в аварию, она считалась несчастливой и бросалась. «Иншалла...». Уже во второй год нашего пребывания произошел случай, который я не могу забыть. Был выходной день – воскресенье, и мы все лежали на пляже. Между пляжем и Центром шла стройка – ливийцы зачем-то начали строить двухуровневую развязку шоссе Триполи-Бенгази, которое шло вдоль берега моря, с дорогой к Центру. (Зачем нужна была дорогая развязка шоссе с дорогой, которая никуда не ведет, и по которой практически никто не ездит?). Так вот, эта развязка еще не была построена, но был вырыт глубокий котлован, из которого торчала стальная арматура опор, пока что не залитая бетоном. Строительство было огорожено деревянным заборчиком, песчаным валом в полметра высотой, и висели предупреждающие знаки – «объезд». Тем не менее на наших глазах машина с детьми и женой снесла заборчик, пропахала песчаный вал и свалилась в котлован. По моим прикидкам выходило, что водитель ухнул в котлован на скорости километров 60—70 километров, но ведь его уже сильно затормозил песчаный вал! Мы кинулись было помогать, но почти мгновенно подъехала скорая – пункт скорой был где-то совсем рядом. Я не знаю, уцелел ли в этой аварии хоть кто ни будь, и в каком виде. Вот так они ездили!

Вообще-то Ливия была страна странная. Промышленности практически нет, сельскохозяйственного производства тоже. На небольшой территории плодородной земли вдоль моря выращивались овощи: картофель, капуста, помидоры, огурцы, лук. Этого не хватало даже для собственного потребления. Еще были апельсиновые и мандариновые деревья. А все остальное покупалось за нефть. Собственно, и самостоятельное государство было образовано лишь в 1951 году во главе с королем Идрисом Первым. В 1969 Идриса сверг Муамар Каддафи во главе группы офицеров и превозгласил Ливийскую Джамахирию. Формально демократию, а на самом деле жесткую диктатуру. Для объяснения, что это такое, он написал «зеленую книгу». Я ее читал – путанная смесь ислама с какими-то социалистическими лозунгами.

Атомный центр Таджура к моменту моего приезда еще достраивался, хотя основная часть работ была уже выполнена. Центр включал в себя:

- ядерный реактор мощностью 10 Мегаватт;
- критический стенд (реактор нулевой мощности);
- набор физических лабораторий: ядерной физики, активационного анализа, твердого тела, металлургии, биофизики;
- радиохимический отдел для производства радиофармпрепаратов;
- Токамак.

Цель ливийцев была ясна: оружие. Центр строился для подготовки кадров и научных изысканий. Накопить плутония хотя бы на одну бомбу в Таджуре было невозможно. Но зачем арабам Токамак??? По-моему, он был им нужен, как рыбе зонтик. Им его просто впарили, пользуясь их неграмотностью. Радиохимический отдел формально должен был производить радиофармпрепараты для медицинской диагностики, в основном онкологических заболеваний. Для такой диагностики нужна специальная сложная и дорогая аппаратура, которая была только в развитых странах. Но развитые страны сами производили радиофармпрепараты, и покупать их у Ливии не стали бы и под пистолетом! «Горячая» линия нужна была ливийцам опять-таки в оружейных изысканиях, и они заплатили большие деньги за ненужные им технологии «ноу-хау». Ливийцы надеялись построить в Бенгази и мощный реактор для наработки плутония, поскольку в электроэнергии они особо не нуждались (и промышленности нет, и нефти полно). Советский Союз даже начал в Бенгази какие-то геологические изыскания, но, слова Богу, на этом все и закончилось.

Советский поселок располагался сразу за городом Таджура. Дорога туда шла справа от шоссе Триполи – Бенгази (шедшего практически по побережью Средиземного моря)

в какой-нибудь сотне метров от него. Справа от дороги располагалось несколько одноэтажных барачков советской дирекции и помещений клуба, а слева три ряда барачков жилья для сотрудников (то есть нас). Нам со Светой отвели комнатку для жилья, и меня повели знакомиться с начальством. Генеральным директором советской дирекции был тогда Н. Тюрин. Человек немолодой, не очень приветливый, жесткий, скорее даже жестокий. Он был строителем минсредмашевских объектов, многие из которых возводились руками заключенных, и был не склонен либеральничать. По слухам из-за его жестокости один из советских строителей сбежал (его быстро поймали), а второй сошел с ума. Впрочем, у меня с ним сложились вполне нормальные отношения, может быть, и потому, что он уже «сидел на чемоданах», и через несколько месяцев уехал. С эками работал и помощник директора по кадрам Фатеев. Но он был помягче, а к нам со Светой вообще относился доброжелательно. Ни мне, ни Быстрову, рабочего места в бараках не нашлось, и нам предложили выбирать себе рабочие кабинеты в помещениях Атомного Центра, находившегося дальше по дороге вглубь пустыни метрах в трехстах от дирекции. Здания центра были построены болгарями, отделаны белым мрамором и выглядели весьма импозантно. К сожалению, у меня не осталось фотографий – все пленки пропали в украденном чемодане (я еще об этом расскажу), а в интернете я не нашел НИЧЕГО.

Назавтра, познакомившись с советской дирекцией, я отправился знакомиться с ливийцами. Для начала – с ливийцем, ответственным за стажировку с ливийской стороны. Им оказался доктор Базелья (имени я никогда и не знал). Он учился в Англии, получил там ученую степень «доктор философии», но явно не по техническим наукам. Тем не менее он был, по моему, чуть ли не единственным остепененным ливийцем в Центре. Он постоянно в течение двух лет был в Центре вторым человеком, но никогда – первым. Человек он был неглупый, но капризный, вспыльчивый, легко возбудимый. Все те два года, что я работал в Ливии, я постоянно имел с ним дело, но не возникло у меня с ним ни взаимной симпатии, ни товарищеских отношений. Однако он был довольно компетентным человеком на фоне ливийского разгильдяйства, и ко мне относился с уважением (хотя и не сразу).

Мое знакомство с доктором Базелья началось со скандала. Хотя я знал, что Базелья хорошо говорит по-английски, для первого знакомства я взял с собой квалифицированного переводчика-арабиста. Я представился Базелья, сказал, что я преподаватель МИФИ, что имею опыт работы в Италии и Франции. Переводчик переводил. Внезапно Базелья взорвался и стал орать: «Вот приехал тут большой специалист! Подумаешь...!» Переводчик не успевал переводить. Я опешил. Когда Базелья успокоился, я ему сказал: «Доктор Базелья, поскольку мы оба знаем английский, давайте дальше общаться без переводчика. Я не знаю, что он Вам там перевел, но я просто хотел представиться, и больше ничего». Он успокоился, и больше подобных скандалов мне не устраивал, хотя раздраженно, на повышенных тонах со мной иногда разговаривал, особенно поначалу.

Как я уже писал выше, к моменту моего приезда обучались три группы стажеров: активационного анализа (рук. Потапенко – ВНИИРТ), ядерной физики (рук. Демидов – ИАЭ) и твердого тела (рук. Землянов – ИАЭ). ИАЭ – это институт Атомной Энергии, ныне Курчатовский, но я его буду называть так, как он назывался тогда. Никакого руководства ливийскими стажерами не было – Зам. Директора Макаров, парторг ЦК (там это называлось – председатель местного комитета) числился руководителем формально, подготовкой кадров он не занимался и не хотел, хотя мужик он был неплохой и до Ливии работал в Дубне тоже по партийной линии. С Потапенко у меня сложились нормальные отношения, а Демидов и Землянов, два приятеля из ИАЭ, решили, что мной можно помыкать и чего-то от меня требовать. Вместе с тем их непрофессионализм бросался в глаза. Я не знаю, уж какие по содержанию занятия они проводили – мне было не до того, но контакта со слушателями они наладить не сумели. Вообще, зря многие думают, что учить – это просто. Поскольку преподавателей вузов нигде не готовят, стать хорошим преподавателем можно лишь со временем на примерах старших товарищей. И лекции

читать не так просто, как кажется. Нужно уметь отобрать и выстроить материал так, чтобы было и логично, и интересно. Считается, что лектор должен знать по крайней мере раза в два больше, чем то, что он рассказывает. Для физиков еще важно иметь собственный достаточно серьезный опыт научной работы. Книжного образования мало. И еще надо уметь наладить хороший контакт с аудиторией, иначе тебя слушать не будут. Это получается не у всех – я знаю профессоров, которые тем не менее так и не стали хорошими преподавателями. Работу эту надо любить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.